

№ 11 (157)
ноябрь

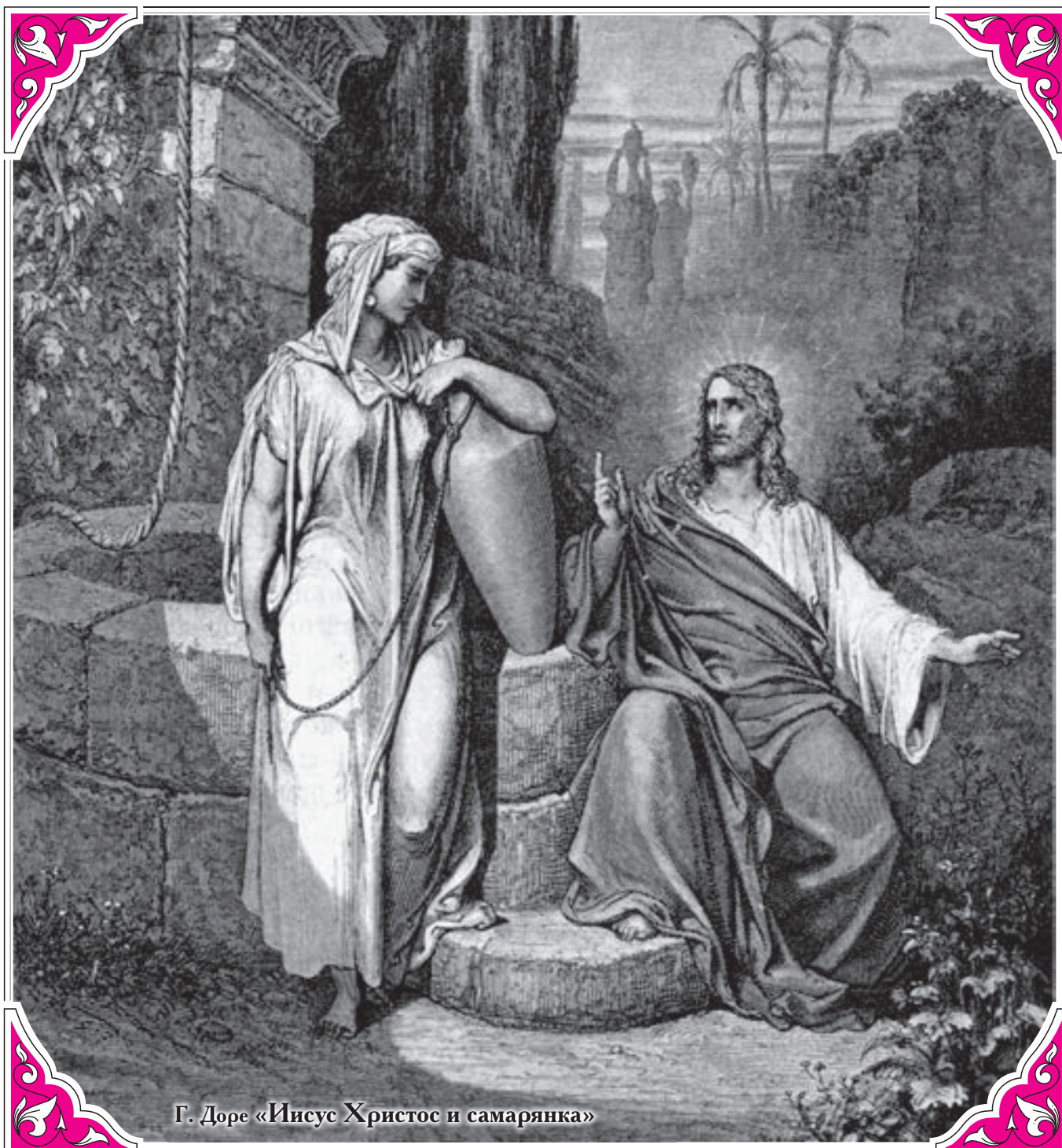
2009

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

Г. Доре «Иисус Христос и самарянка»

НЕЛЬЗЯ НЕ ЗАДУМЫВАТЬСЯ О ЦЕЛИ И СМЫСЛЕ БЫТИЯ

ИЗ СЛОВА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА
НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ 11 НОЯБРЯ 2009 ГОДА

«предки надоели». Мудрость — это способность усваивать опыт других. Мы усваиваем опыт других, читая учебники, но часто отказываемся усваивать опыт, когда слышим живое слово.

То, что я рассказал на примере матери и дочери, можно распространить и на школу. Педагог — это человек, который делится или должен делиться с учениками собственным опытом жизни. Я говорю это к тому, чтобы сформулировать самое важное, о чем следует сказать в отношении образования: школа есть не только место передачи знаний, это место воспитания личности. Так было всегда. Если мы отказываемся от того, что школа является механизмом, инструментом воспитания человека, то мы обрекаем общество на очень неясное существование в будущем.

Конечно, существуют и другие воспитательные системы. Это семья, которая сегодня все больше и больше разрушается и теряет воспитательную функцию. Это Церковь, которая всеми силами пытается восстановить эту воспитательную функцию и воспитательное служение в общественной жизни, — не без трудностей, как мы все хорошо знаем. Если бы семья, школа и Церковь работали сообща, если бы был высокий уровень координации действий, то на выходе, как говорят инженеры, мы имели бы совсем другой сигнал. У нас было бы совсем другое качество жизни и другое общество.

Говоря о мудрости, я хотел бы отметить, что это еще и способность правильно расставлять жизненные приоритеты. Об этом тоже хотелось бы поговорить поподробнее. От того, как мы расставляем жизненные

приоритеты, зависит наше жизненное благополучие, наше счастье. Человек, избравший неправильный путь в жизни, никогда не будет чувствовать себя счастливым — всегда что-то будет ограничивать и разрушать целостность его жизни и бытия. Поэтому выбор жизненного пути — это очень важный жизненный выбор, и здесь тоже не обойтись без мудрости.

Приведу пример, о котором я недавно услышал от человека, сославшегося на публикацию в газетах. Один молодой человек выхватил у девушки в вагоне метро мобильный телефон в тот самый момент, когда поезд выходил из туннеля и подходил к платформе. Он очень умело открыл дверь вагона, хотя это сделать непросто, и выпрыгнул из него — в надежде, что окажется на платформе и убежит до того, как поезд остановится и люди выйдут из вагона. Но он промахнулся и погиб. Сколько этому преступнику нужно было усилий, чтобы совершить подобное деяние! Ведь нужна определенная стратегия, нужно обо всем подумать, нужно подготовиться и быть физически способным совершить такой поступок. За всем этим действительно стоит серьезная подготовка. Но даже если бы он убежал с этим мобильным телефоном в руках — что такое цена мобильного телефона? Разве она соответствует цене человеческой жизни? Разве цена мобильного телефона адекватна тем усилиям, которые этот молодой человек затратил, готовя себя к подобным поступкам? Конечно же, нет. Если бы эту концентрацию воли, силы, умения, знаний, внутренней энергии он направил на то, чтобы получить хорошую

А хотел бы, памятуя о том, что следующий год объявлен Годом учителя, сказать, что служение учителя, подвиг учителя — это особое служение и совершенно особый подвиг.

Мне приходилось говорить о том, что мудрость — это, в том числе, способность человека усваивать опыт предыдущих поколений. Все, что мы имеем, перешло к нам от тех, кто был до нас.

Мы с легкостью и доверием воспринимаем то, что предлагает нам учебник. Есть некий авторитет, некая традиция, инерция, если хотите — по чему же еще учиться, как не по книгам и учебникам?

Но нам, особенно молодым, гораздо сложнее применить тот же самый — исполненный доверия и готовности внимать, слушать, запоминать — подход к совету собственных родителей. Например, мама говорит дочери, что так поступать плохо, но у мамы не хватает аргументов: или она не может сформулировать эти аргументы, или ей просто времени не хватает. Но мать говорит от своего опыта. Она прожила жизнь или часть жизни, знает, что тот или иной поступок непременно приведет к катастрофе, разочарованию, боли, скорби. Если она сама этого не пережила, это пережили ее подруги, родственники, знакомые. Мать знает, что говорит. Но часто дочка отмахивается, а потом, общаясь со сверстниками, говорит, что

специальность, то он зарабатывал бы гораздо больше, чем те деньги, которые можно выручить от продажи краденых мобильных телефонов. Но почему же он не сделал этого? Почему, наверняка чувствуя в себе силы, он не пошел по такому пути? А потому, что у него не было жизненных приоритетов, не было понимания того, куда и как следует направить собственные силы. Этот пример разбившегося вора стал для меня неким символом. Это символ неудачника, но не такого неудачника, который стал им по объективным обстоятельствам (допустим, получил травму или родился инвалидом — много может быть внешних обстоятельств, которые делают человека объективно неспособным достигать цели). Однако этот молодой человек — неудачник по своей воле. Он сам расставил такие приоритеты в жизни и сам выбрал этот путь. Так не может поступить мудрый человек.

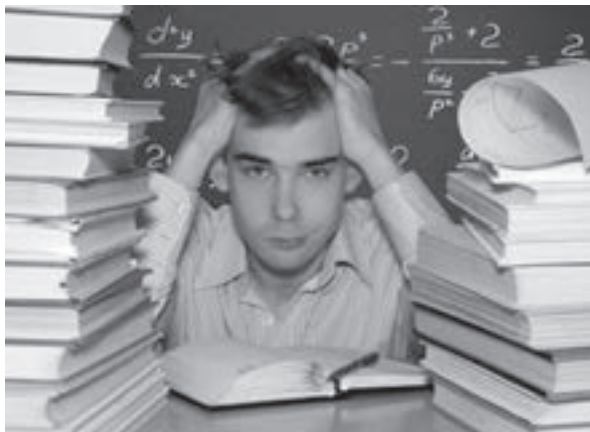
Когда мы говорим о мудрости, то нужно говорить о способности человека к системному подходу к жизни. Эта мысль меня очень занимает. Приходится много встречаться с людьми образованными, с прекрасными специалистами, которые многое знают. Общаясь с ними, часто поражаешься, как они тонко и хорошо разбираются во многих важных деталях, будь то детали технические или гуманитарные. Мне приходилось встречаться, в том числе, с историками, которые замечательно знают историю и точно скажут, какое событие в каком году произошло. Но когда начинаешь говорить с этими людьми об историческом процессе, о связи настоящего с прошлым, то вдруг ловишь себя на мысли, что человек, прекрасно владеющий инструментарием, не способен при этом к системному мышлению. Системы нет! Есть

знание частных, деталей, но нет знания общего.

Отсутствие системного мышления, неспособность видеть в целом — эта проблема имеет отношение не только к истории, социологии, политике, но и к философии, к философии

жизни. Кстати, системный подход присутствовал во многих древних культурах. Люди пытались увидеть смысл в мироздании. Выйдите на улицу и спросите: кто, взирая на звездное небо, задумывается о смысле мироздания? Мало найдется людей, которые вообще смотрят на звездное небо, потому что так много смотрят на экран компьютера, что уже не до звездного неба. Смысл

бытия уходит. Системного подхода не остается. Мир оценивается по фрагментам, формируется фрагментарное восприятие мира, а в связи с продолжающимся процессом узкой специализации человечества эта фрагментарность и воспринимается все больше и больше как кадр величиной во всю жизнь — а на самом деле это фрагмент. Нельзя

не задумываться о цели и смысле бытия. Нельзя не задумываться о том, что такое гармония жизни. И вот здесь, мне кажется, важно понять следующее — не может быть никакого системного восприятия истории, никакого системного восприятия бытия, если мы не нащупаем некую скрепу, некую колонну, некую поддерживающую силу, которая и помогает ощутить и понять эту целостность.

Позвольте вам сказать, что представляется мне такой скрепой. Во-первых, зададимся вопросом: а что может ею быть? Мир так разнообразен, так разнообразны люди, культуры, религии, философские взгляды, убеждения, мода... Где же здесь найти скрепу? Где найти фундаментальную ценность, которая помогала бы человеку выстраивать систему? Такая фундаментальная ценность и такая скрепа может быть только внутри человека. Она не может быть где-то вовне. Так устроен человек — это должно быть частью его бытия, причем такой, которая была бы присуща человеческой природе, а не конкретной человеческой личности. Ведь если нечто присуще мне, но не присуще другому человеку, то это уже не объединяющее начало, это не скрепа, не фундамент. И единственной скрепляющей силой, формирующей целостное сознание человека, целостное восприятие мира, истории, бытия, является нравственность.

Вернемся снова к истории. Даже историки, отрицающие объективность нравственного начала, дают те или иные оценки исторических событий на основании нравственного критерия. Представьте себе, как можно было бы вообще комментировать историю, если бы не существовало нравственного критерия? Мы же говорим: «эпоха страшная, жестокая», и, в первую очередь, используем нравственный критерий, причем чаще всего именно этот

критерий является решающим. И когда нам говорят: «Это жестокость, это насилие, это издевательство над человеческой личностью оправдывалось достижением великих целей», то мы, в большинстве, не принимаем такой логики. На этом и основывается осуждение репрессивных режимов. Каждый такой режим использовал репрессии для достижения конкретных целей — не для личного обогащения диктатора, чаще всего не только для укрепления его личной власти, но для достижения конкретных идеологических, политических целей. Но историки в большинстве случаев говорят: «Это преступные режимы», оперируя нравственной категорией.

В том же ключе можно говорить и о мироздании. Для кого-то мир — это случайное стечение обстоятельств: случайным образом атомы кислорода и водорода соединились, под влиянием определенных физических условий возникла вода, затем появились аминокислоты, и, в конце концов, появились мы с вами. Это одно видение мира и человека, и я не вступаю сейчас в полемику с таким видением. Но я хочу лишь сказать, что не может быть по-настоящему системного подхода, если мы не будем иметь основной и решающей скрепы для формирования этого подхода, и такой скрепой является нравственность. А вот нравственность произвести от случая очень тяжело. Не хочу, чтобы мои слова воспринимались как апологетика религиозного взгляда, хотя иного я как священник, как Патриарх сказать не могу; но я хочу только отметить, что этот взгляд является очень важным для формирования целостного взгляда человека на мир, на бытие, на прошлое, настоящее и будущее.

Мне кажется, что без формирования нравственного начала в современном человеке не может существовать никакого образовательного процесса. Сегодня так развиты средства связи, средства коммуникации, что учиться можно и без учителя. Многие люди так и делают — садятся за компьютер и получают доступ практически ко

всем источникам информации. Но ведь мы не ставим под сомнение необходимость учителя. Даже в наш коммуникационный век мы говорим, что нужен учитель. А зачем он нужен? В чем уникальность учителя? Само понятие «учитель» предполагает: это человек, передающий мудрость, знания, опыт предыдущих поколений.

Сегодня, как, может быть, никогда, нравственное измерение подвига учителя, служения учителя, является очевидным и категорически необходимым. Если мы откажемся от воспитательного значения школы — я имею в виду не только среднюю, но и высшую школу — то мы очень скоро придем к выводу о ненужности педагогической деятельности. Может быть, для какого-то возраста и нужен еще педагог — когда человек еще не способен нажимать кнопки на клавиатуре компьютера — но с каждым годом этот возраст будет снижаться. Уже сейчас детишки в детском саду умеют играть в компьютерные игры, все может очень быстро развиваться, и тогда возникнет вопрос: а зачем кто-то еще? Дайте методические указания, и дальше все пойдет без всякого учителя... Но педагог нужен именно потому, что его присутствие предполагает живой контакт одного человека, носителя опыта и мудрости, с другим человеком, у которого нет этого опыта и этой мудрости. И здесь, конечно, огромную роль играет личность педагога, нравственные требования к нему самому.

Я вспоминаю свои школьные годы <...> Личность педагога оказывает огромное воспитательное влияние на ребенка. Мы знали, кто с душой преподает, а кто нет; кто себя отдает, а кто нет. Был у нас замечательный преподаватель математики, хороший специалист. Приходил, умно, хорошо говорил и уходил. Вот он и остался в памяти как «машина». А были люди, о которых вспоминаешь и на старости лет, которые рассказывали о литературных героях, о географии, об истории, и в этих рассказах было

нравственное, очень важное, измерение. А если пример педагогов накладывался еще и на пример родителей, если то, что говорили в школе, соответствовало тому, что говорили дома, то дети воспитывались в замечательной атмосфере целостного воспитательного процесса, который формировал сознание, душу людей в совершенно конкретной системе нравственных координат.

Теперь я хотел бы сказать об этих нравственных координатах. Для того чтобы воспитывать, действительно должен быть нравственный консенсус в обществе. Его основанием служит то, что нравственное начало есть в каждом из нас, что существует отчетливое понимание того, что есть добро и зло. Но опасность переживаемого момента заключается именно в том, что это ясное, классическое понимание того, что есть добро и зло, сегодня размывается так называемым подходом цивилизации постмодерна. Мне приходилось много об этом говорить, и я, наверное, буду об этом говорить до тех пор, пока не почувствую, как что-то меняется в лучшую сторону.

Но нельзя ставить на одну доску добро и зло. Нельзя ставить на одну доску объективную истину и то, как некоторые люди эту истину интерпретируют. Мы тогда погубим самое важное, что существовало на протяжении человеческой истории — систему координат. Человек запутается, он будет смешивать добро со злом. А если границы между добром и злом стираются, то скрепа, формирующая целостный, системный подход человека к миру, разрушается, и мы становимся легкой добычей тех сил, которые будут с удовольствием манипулировать нашим сознанием во имя экономических или идеологических целей. Поэтому сегодня борьба за нравственное начало имеет совершенно конкретные точки приложения в общественной, политической, социальной жизни, в области средств массовой информации и т.д.

**Пресс-служба Патриарха
Московского и всея Руси**

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

КОЛОДЕЦ Иакова

«Надлежало же Ему проходить через Самарию. Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа.

Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая?

Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его?»

(Иоан. 4-12)

«Город Самарийский, называемый Сихарь» (Ин. 4,5), лежит в центральной части Палестины, назы-

вавшейся в библейские времена Самарией, и игравшей большую роль в истории Израильского народа в Ветхом Завете.

Сихарь или Сихем (Шхем) (Быт. 33 : 18) — это место, где праотец Авраам поставил первый жертвенник Богу своему по переселении из Харрана; впоследствии, видимо зная об этом, внук его Иаков купил это место и подарил Иосифу, которого и погребли там сыны Израиля по выходе из Египта. Купив это место и живя там некоторое время, Иаков выкопал здесь колодезь, который и доныне носит его имя. По разделении Земли Обетованной между коленами Израиля, земля эта досталась Манассии и Ефрему, сыновьям Иосифа, и прослыла у евреев под названием «гор Ефремовых». Высокие холмы действительно окружают плодородную красивую долину, где находится глубокий колодезь, «студенец Иаковлев». По долине пролегла дорога из Галилеи в Иерусалим, и следуя по ней с учениками в достопамятный день, навеки отметивший это место, Господь Иисус сел отдохнуть у колодца. И сюда пришла почерпнуть в то время жена Самарянская Фотина (Иоанна, 4 гл.).

Царица Елена (IV в.) воздвигла над колодцем Иакова большой храм, в форме креста. Церковь была сожжена во время самарянского бунта 485 г. и восстановлена в шестом веке императором Юстинианом. Однако была вновь разрушена после персидского завоевания. Затем это место долго скрывалось под развалинами, и лишь в XIX столетии было куплено у турок Иерусалимской Патриархией. Были произведены раскопки, обнаружившие фундамент и мозаичный пол церкви, под которым сохранился самый колодезь.

Глубина колодца 35 м, диаметр 1 м. Над землей выдается каменный невысокий «сруб», когда-то обложенный мрамором и ограбленный. Вода в нем необыкновенно приятная. Малая часовня сооружена над ним, в нее спускаются от уровня пола бывшей церкви по двум лестницам в 10 ступеней. Над колодцем на прежнем фундаменте в начале XX века была начата постройка обширного 4-х- престольного храма, но он так и стоит недостроенный, так как строился, в основном, на русские пожертвования.

Кругом долина и вид на две исторические горы Гевал и Гаризим, на которых при вступлении израильтян в Обетованную землю был снова провозглашен Закон. На Гаризиме в древности был самарянский храм, и до сих пор потомки Самарян совершают свое богослужение на этой горе. Эти Самаряне сохранились в нескольких современных семействах г. Наблуса. Там у них синагога, и в ней они показывают древний список ветхозаветного Священного Писания, Пятикнижия Моисеева. Это типично еврейский пергамент, длинный свиток, навитый на две трости. Крупными отчетливыми буквами начертаны в нем древние слова. Но прочесть их не могут уже современные Самаряне, хранящие этот свиток. Они утверждают происхождение его со времен Аарона.

По страницам
Библейской энциклопедии

АНГЕЛ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ

15 ноября в возрасте 95-ти лет в Белграде скончался предстоятель Сербской Православной Церкви Патриарх Павел. Он сочетал в себе евангельскую нищету духовную с глубоким духовным и светским образованием, он был человеком высокой культуры и крупным богословом. Не только православные сербы, но и люди, далекие от церкви, видели в Патриархе Павле образ настоящего подвижника, подобного в стремлении к Богу древним святым. Он каждый день совершал Божественную Литургию, сам чинил свою одежду, не имел никакой собственности. Его смирение, нестяжательность, доступность, скромность были для него естественными проявлениями его глубокой веры, его полной преданности воле Божией. Верующие еще при жизни Патриарха Павла называли святым. Достаточно взглянуть на его лицо, вернее на его лик, чтобы увидеть в нем человека, угодившего Богу. Именно о таких людях говорят, что молитвами праведников мир держится. Предлагаем читателям Александрo-Невского вестника одну из бесед с Сербским Патриархом.

— Ваше Святейшество, вспомним начало Вашего жизненного пути — расскажите о Гойко Стойчевиче (мирское имя Патриарха Павла — авт.), Славонию, деревню Кучанцы, раннее детство.

— Я рос так же, как растет и нынешняя молодежь, с той разницей, что сама жизнь была несколько иной, существовали границы, переступать которые было нельзя. А сегодня смотрите, что творится... Я очень рано остался без родителей. Отец, уехав на заработки в Америку, заболел туберкулезом и вернулся домой умирать. Мне тогда не было и трех лет; только что родился брат. Мать спустя несколько лет после смерти отца, вышла замуж и вскоре умерла, брат и я остались с бабушкой и теткой. Мое ощущение материнской любви связано с теткой, которая заменила мне мать и я помню ее безграничную любовь, думаю, что когда умру, первой встречу ее, а потом остальных. Семья была религиозной; дети ходили в воскресную школу, учили Закон Божий и с первых лет жизни знали «Отче наш», но когда растешь без родителей, чувство Отца Небесного переживается намного сильнее. Я слышал об одном ребенке, которого мать оставила с бабушкой, больше не заботилась о нем и когда он слышал от других детей слово «мама», он бежал домой и ласкал кошку,

называя ее «мама»... Тетка нас любила, но за наши провинности мы знали и палку. Хотелось бы заметить, что сегодняшняя система воспитания больна, неправильна, дети буквально оказываются в панцире родительской любви и заботы, не могут нормально развиваться. Убивается всякая инициатива, мальчики вырастают с психологией плюща, вместо того чтобы стать опорой для семьи, остаются своевольными и капризными, ожидая, что им будут угождать.

— Было ли уже тогда предположение, какие-то знаки, что Вы посвятите свою жизнь Церкви?

— Нет, кроме того, что я был очень слаб здоровьем. Однажды надо мной уже и свечу поставили, подумали, что умер. Тетка видела, что я не гожусь для сельских работ, и было решено, что мне надо продолжать обучение. Семья оказала важнейшее влияние на мое решение поступить в Духовную Академию, но интерес к физике сохранялся и я занимался ей в свободное время.

— И все же Вы серьезно проверляли свое решение поступить в Духовную Академию?

— Тогда, на третьем курсе Академии, я подумал: «Если Бог наперед знает, что я буду убийцей, смогу ли я изменить свой путь? Если могу, Его знание — ничто, а если не могу, где

же тут свобода?» Долго я мучился этим вопросом, не находя ответа. Довериться кому-то из друзей я не мог, их не интересовали подобные проблемы; спросить у преподавателя нельзя, вдруг скажут: «Он еретик» — кто знает? В этом возрасте всякое приходит в голову, долго я носил этот вопрос в душе, пока не нашел ответ у Блаженного Августина, который объясняет его понятием времени. Время, говорит он, есть некая непрерывность, имеющая прошлое, настоящее и будущее. Прошлое было — его нет; будущее будет — его нет; а что есть? Есть настоящее, но и его почти нет, оно — точка соприкосновения прошлого и будущего, в которой будущее непрестанно уходит в прошлое. Время существует лишь для тварных существ, материи, вселенной, и в особенности для нас, людей. Мы живем и познаем в категориях пространства и чисел. Для Бога их не существует. Для Него нет ни прошлого, ни будущего, но только вечное настоящее; потому, когда мы говорим о будущем, это будущее наше, а не Его. И это стало для меня решением проблемы, если бы этого не произошло, с богословием было бы покончено.

— Что Вы почувствовали, когда узнали, что Вас избрали Патриархом?

— Это был шок. Я никогда

не ждал и еще меньше этого хотел; тогда мне было уже 76 лет, а в таком возрасте что-то начинать очень трудно. Но утро вечера мудренее, на следующий день я пришел в себя и стал думать, с чего начать, за что взяться. Знаете, как: есть возможное, есть невозможное, и есть то, что ты должен. Чувство долга и его исполнение — вот главное.

— **Можете ли Вы рассказать о наиболее трудных моментах Вашего служения?**

— Малодушие свойственно людям. Но потом, оглядываясь назад, понимаешь, что и неудачи и скорби имеют свой смысл. Вот, помню, как-то шел пешком в монастырь; дорога долгая, дождь льет, зонта нет, под ногами глина мокрая, липкая, едва удается ноги передвигать. Думаю: «Господи, почему же так? Я ведь не в кабак иду, что же происходит?» А потом говорю себе: «А где же моя выдержка, стремление?» Все устраивается, если умеешь терпеть и доверяешь Богу.

— **Почему Вы не считаете себя живым свидетелем событий в Косово?**

— По простой причине: я им не являюсь. Моему пребыванию в Ко-

сово было придано слишком большое значение, Просто я там был, потому что иначе было нельзя. Мы все нуждаемся в хороших людях и добрых пастырях и готовы видеть их везде, иногда и там, где их нет; ошибаемся, видим только внешнее.

В добродетели нужно расти непрестанно, нужно достичь высшего порога — «не могу грешить». Это глубинный внутренний процесс, конечно, он передается и вовне.

Иногда человек просто мимо пройдет, а вам как-то легче, теплее, а почему — не знаете. И, наоборот, рядом с кем-то вам не по себе..

— **Значит, начало ада здесь, на земле?**

— Конечно, здесь. И блаженство здесь начинается, если тут мы можем себя подготовить к блаженству, то там — уже не сможем. Смерть — это граница, за которой нет покаяния. Но после физической смерти существуют степени блаженства. Для роста человека в добродетели нет застоя, так же как и во зле — нет остановки. А как быстро человек будет расти — зависит от его ревности. Конечно, здесь и от разума многое зависит, от понимания, от

его понимания вопроса смысла жизни. Это первостепенный вопрос, если человек его решил, тогда все легче. Некий юноша спросил Эйнштейна,

— **В чем заключается смысл жизни?**

— Знать ответ на этот вопрос, — сказал Эйнштейн, — значит быть верующим. Молодой человек продолжал:

— **Не лучше ли не задаваться этим вопросом?**

— Человек, который не найдет смысла своей жизни, будет не просто несчастен, он будет нежизнеспособен. Насколько мне удалось проникнуть в законы природы, настолько я увидел в них проявления высшего разума, в сравнении с которым все, на что способен человеческий разум, лишь тусклый отблеск.

На мой взгляд, там, где существует высший разум, существует и личность, которой этот разум принадлежит. Так же как личность не существует без разума, так и разум не может существовать без личности. Ни любовь, ни ненависть не могут существовать вне личности. Для меня «высший разум» — Божий

разум. Для Эйнштейна иначе. Он был пантеистом, он не верил в Бога — Личность, а рай и ад он понимал слишком буквально, поверхностно.

— **Можно ли объяснить сошествие Благодатного огня у Гроба Господня законом природы?**

— В Кувуклии Гроба Господня находится Патриарх. Свечи погашены. По вере и молитве сходит огонь. Это — чудо. Если апостол Павел не видел Спасителя, тогда все христианство — фикция; если Христос не воскрес, христианство не имеет смысла, ибо в этом вся сущность нашей веры; если Христос не Бог, если нет иного мира, то мы — самые несчастные из людей. Если бы даже наука нашла доказательства, что Бога нет, то почему мы должны в это поверить? Как можно доказать, что мир возник сам по себе или что душа смертна? Это уже не наука, а вера материалистов.

— **Приближается 2000-летие Христианства. Станет ли 2000-й год годом конца мира, и почему на праздновании юбилея книги Откровения Иоанна Богослова на**

Патмосе присутствовали ученые?

— Ученые, присутствовавшие там, христиане, которые занимаются вопросом толкования книги. У нас нет ее достоверного общепринятого толкования, это — единственная книга, которая не читается в церкви — ее содержание очень сложно. Пророчества апостола Иоанна трудны для понимания пока они не исполнятся. Для нас важно, что святой Иоанн описал полную историю Церкви. В конце придут два святых мужа, будут проповедовать около трех с половиной лет, погибнут от руки антихриста, и затем наступит конец. Все это описано в мистических образах; они предупреждают нас, что в Небесный Иерусалим войдут лишь 144000 праведников, и что мы должны готовить себя... Число символическое, как и все образы, поэтому, читая эту книгу, мы должны остерегаться ложного толкования.

— **Что такое православная мистика?**

— Это глубокое личное переживание веры и связи с Богом и с духовным миром. Оно настолько

глубоко, что словами его выразить невозможно. Однако, чтобы не заблудиться, не сбиться с пути, его обязательно нужно сверять с учением Церкви и находиться под ее руководством. Многие секты возникли именно от заблуждений. Человек должен найти верный путь, чтобы пройти сквозь чащу, а это возможно лишь с помощью проводника, который уже знает дорогу.

— **Сейчас многие обращаются к буддистской медитации, хотя православная молитва, по словам святых отцов, единственный и уникальный способ подлинного богообщения. В Православии известен исихазм. Есть ли последователи этого метода духовной жизни?**

— Такие люди неохотно рассказывают о своем опыте, это нечто сокровенное, глубинное. Исихазм — способ достижения Божественного света. Противники исихазма с насмешкой говорили, что исихасты занимаются созерцанием собственного пупка. В действительности же они максимально концентрируют

Ю. Максимов

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ О СЕРБСКОМ ПАТРИАРХЕ ПАВЛЕ

Будучи в Сербии, я услышал множество примечательных историй о Патриархе Павле от заслуживающих доверия людей, и хотел бы ими поделиться. Святейший патриарх Павел — это явление уникальное для нашего времени и потому, конечно, бессмысленно пытаться делать его опыт планкой для других патриархов, точно так же, как, например, опыт святого Филарета Милостивого или святого Алексия, Человека Божия делать планкой для большинства современных мирян. У каждого своя мера и свой образ подвига. Мне кажется, можно просто порадоваться, что при нашей жизни был такой человек в Православной Церкви.

Известно, что Сербский патриарх, и будучи наделён столь высоким саном, продолжал аскетические подвиги, и старался держаться очень скромно, причём это у него вышло очень естественно, без какого-либо нарочито показного оттенка. Он ходил по городу пешком или ездил на обычном транспорте, среди людской давки, был нестяжательным, и питался так мало, как древние отцы-пустынники, — просто потому, что он был таков.

Госпожа Яня Тодорович рассказывала мне историю, случившуюся с её сестрой. Та как-то попала на приём к патриарху по какому-то делу. Обсуждая дело, она случайно посмотрела на ноги патриарха и пришла в ужас при виде его обуви — это были старые, некогда порванные, а затем заштопанные ботинки. Женщина подумала: «какой позор для

внимание на своем внутреннем мире для того, чтобы освободиться из плена мира. Когда-то и мирские люди прибегали к такому способу молитвы, но только под руководством монахов-исихастов; сейчас же монахов все меньше, а потому меньше и наставников в этом делании.

— Известно, что Святейший Патриарх Павел исповедуется четырежды в год; каково значение исповеди?

— Грех рождается в сердце и в уме. Мы грешим мыслями, словами, делами. Исповедь — это покаянное чувство блудного сына, покинувшего отца, нарушившего Его волю, спешащего вернуться к Нему, что значит, и к себе самому. В раннехристианской Церкви исповедь была публичной, затем ее отменили, чтобы не смущать детей и новоначальных. Очень трудно в присутствии другого признаться в своих проступках, Покаяние, по-гречески «метанойя», — изменение ума, а епитимья — не наказание, а лекарство. И себе, и другим говорю: кто угодно может меня унижать, но унижить меня может только один на

свете человек — я сам. Когда это поймешь, приобретаешь внутреннее равновесие, покой.

— Ваше Святейшество, поговорим о женщине. Однажды вы сказали, что женщина — «немогущий сосуд», в другой раз, что женщина намного серьезней и ответственной мужчины, потому что она вынашивает, рождает и воспитывает детей. Разве совместимы эти две оценки?

— Совместимы. Женщины эмоциональнее, чувствительнее, им легче оступиться, хотя и среди мужчин это не редкость... «Немогущий сосуд» — это из притчи об Адаме и Еве, Ева оступилась первая.

— Зачем же Адам послушался ее? Не слабость ли это?

— Он послушался потому, что здесь и речь идет о браке. Два в плоть едину. Не было ни ее обмана, ни его легкомыслия, он сознательно решил вместе с ней нести бремя греха. Потому брак — установление райское, и оно не было уничтожено грехопадением.

— Что важнее из христианских

добродетелей — молитва или милостыня?

— Важно и первое, и второе, и многое важно... Невозможно выделить какую-то одну добродетель, Если ты не убил, но украл — ты виновен. Молитва — это наши живые отношения с Богом, наш разговор с Ним. Что за семья, в которой сыну нечего сказать своему Отцу? Без милостыни и сострадания к другим мы тоже не сможем спастись, ибо все мы — единое тело.

— Вера учит, что блаженство — главная цель существования...

— В достижении блаженства существует семь ступеней. Первая — смирение, это фундамент. Гордый человек не способен сделать ничего доброго. Он считает, что Бог его должник, а не наоборот. Высшая из добродетелей — любовь. Ей уже не во что переходить, вера переходит в созерцание, надежда — в осуществление, а любовь остается связью нашей с Богом и с другими людьми.

Светлана Луганская
«Православие и мир»

нас, сербов, что нашему патриарху приходится ходить в таком рванье, неужто никто не может подарить ему новую обувь?» Патриарх тут же с радостью сказал: «Видите, какие у меня хорошие ботинки? Я их нашёл возле урны, когда шёл в патриархию. Кто-то выбросил, а ведь это настоящая кожа. Я их немного подшил — и вот, они ещё долго смогут послужить».

С этими же ботинками связана ещё одна история. Некая женщина пришла в патриархию с требованием поговорить с патриархом по неотложному делу, о котором она может сказать только лично ему. Такая просьба была необычной и её не сразу пустили, но всё же настойчивость посетительницы принесла плод, и аудиенция состоялась. Увидев патриарха, женщина с большим волнением сказала, что этой ночью ей приснилась Богородица, которая велела принести патриарху денег, чтобы он мог купить себе новую обувь. И с этими словами посетительница протянула конверт с деньгами. Патриарх Павел, не беря конверта, ласково спрашивает: «А в каком часу вы легли спать?» Женщина, удивившись, ответила: «Ну... где-то в одиннадцать». «Знаете, я лег позже, около четырёх часов утра», — отвечает патриарх, — «И мне тоже приснилась Богородица и просила передать Вам, чтобы Вы эти деньги забрали и отдали тем, кто в них действительно нуждается». И не взял денег.

Однажды, подходя к зданию патриархии, святейший Павел заметил много стоявших у входа иномарок и поинтересовался, чьи это машины. Ему сказали, что это машины архиереев. На что патриарх с улыбкой сказал: «Если они, зная заповедь Спасителя о нестяжательстве, имеют такие машины, то какие же машины у них были бы, если бы этой заповеди не было?»

Как-то раз патриарх летел куда-то с визитом на самолёте. Когда они пролетали над морем, самолёт попал в зону турбулентности и стало трясти. Молодой архиерей, сидевший рядом с патриархом, спросил, что он думает о том, если самолёт сейчас упадёт. Святейший Павел невозмутимо ответил: «В отношении себя лично я восприму это как акт справедливости: ведь в жизни я съел столько рыбок, что неудивительно, если теперь они съедят меня».

Прошу прощения, если, передавая своими словами, я где-то выразился не совсем точно.

Патриарх Павел был очень близок к народу и народ его очень любит. Его фигура уникальна даже для Сербской Церкви и следующий патриарх, конечно, будет уже другим.

Русская неделя

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Зима, метель. Возвращаемся на колхозной машине из города: шофер, председатель и я, — они ездили по своим служебным делам, я — по своим. Останавливает инспектор: водитель выходит, показывает документы, начинается разговор... Председатель пожимает плечами: «Вроде ничего не нарушали», — и мы вылезаем, чтобы поддержать водителя.

Инспектор, похоже, никаких претензий пока не предъявил: молча рассматривает наш «Уазик» — не новый, но вполне исправный; проверяет ногтем глубину протектора на колесах, изучает работу фар, подфарников, стоп-сигналов, но все — в порядке... Наконец, остановившись перед машиной, говорит:

— Проверим номер двигателя.

Шофер открывает капот, и мы столбенеем от изумления: в моторе — кошка... Трехцветная — из рыжих, черных и белых лоскутов... Она приподнимает голову, оглядывается по сторонам, потом выпрыгивает из-под капота на обочину и исчезает в заснеженном поле.

Мы все пережили нечто похожее на кратковременный паралич... Первым шевельнулся инспектор: молча протянул документы и, бросив в нашу сторону взгляд, исполненный глубочайшей обиды, пошел к своему автомобилю. Он смотрел на нас так, будто мы предали его...

Потом очнулся председатель колхоза:

— Кто мог засунуть ее туда?..

— Она сама, — прошептал шофер, морща лоб от мыслительного напряжения, — когда мы у магазина останавливались... наверное...

— И чего? — не понял председатель.

— Изнутри, то есть снизу, залезла погреться, — увереннее продолжил шофер, — а потом мы поехали, прыгнуть она испугалась и пристроилась вот тут...

— Часа четыре каталась? — прикинул председатель.

— Около того, — подтвердил шофер.

Теперь, наконец, мы пришли в себя и рассмеялись — до всхлипываний и слез.

— Все это — не просто так, — сказал председатель: — они ведь сроду не проверяли номер двигателя, да и сейчас этот номер никому даром не нужен, и вдруг...

— Не иначе, сами силы небесные пожалели кошчонку, — предположил водитель.

— Но тогда, — задумался председатель — и под капот ее зачихнули тоже они?.. Для каких, интересно, целей?..

**Священник
Ярослав Шипов**

Кошка

Кто может ответить на такой вопрос?.. Мы садимся в машину и отправляемся в дальнейший путь. Случай этот, сколь нелепый, столь и смешной, вскоре забылся по причине своей незначительности. Однако года через два или три он получил неожиданное продолжение. На сей раз дело происходило летом. Привезли меня в далекую деревеньку, к тяжело болящей старушенции. Жила бедолага одна, никаких родственников поблизости не осталось. Впрочем над койкой на прокопченных обоях были записаны карандашом два городских адреса: сына и дочери, — но, как объяснила мне фельдшерица, адреса эти то ли неправильные, то ли устарели, а бабкины дети не наблюдались в деревне уже много лет и вообще неизвестно — живы ли они сами. Фельдшерица эта в силу своей милосердной профессии или от природной доброты христианской души, а может — и по двум этим причинам сразу, — не оставляла болящей, но терпеливо ухаживала за ней.

— Как я боялась, что не успеем, — сказала фельдшерица, когда соборование завершилось: — Она ведь три дня назад умирала уже! Я — к телефону, позвонила вашей почтарке, а та говорит, что вы на дальнем приходе и вернетесь

неизвестно когда. Я — звонить на тот приход, там говорят: вы только-только уехали... Ну, думаю, неужели бабулька моя помрет без покаяния? Она так хотела, так Бога молила, чтобы сподобил ее причаститься и пособороваться!.. Досидела с ней до самого вечера, а потом побежала домой — надо ж хоть поесть приготовить... За коровой-то у меня сноха ходит — с коровой-то у меня заботушки нет, а вот мужа надо обихаживать да и младшего — нынче в девятый класс пойдет... Наварила супу, картошки и перед сном решила снова бабульку проверить. Прихожу, а она не спит. И рассказывает: «Я, — говорит, — померла уже»... Да-да, прям так и говорит. Мол, сердце во сне очень сильно болело, а потом боль прошла и хорошо-хорошо стало... «И вдруг, — говорит, — чтой-то стало губы и нос щекотать. И тут, — говорит, — все это хорошее исчезло, и опять боль началась».

Ну, она от щекотки проснулась, а на груди у нее кошка лежит и усами своими ее щекочет: кошки, они ведь к носу принохиваются, не то что собаки, извиняюсь, конечно. Видно, кошечка почуяла в бабкином дыхании нездоровье какое-то и принохалась, а усами вызвала раздражение, — вот бабка и проснулась. А коли проснулась — лекарство приняла. Так и выжила. Ну, я с утра машину искать, чтобы, значит, послать за вами. Никто не дает...

Потом сельповских уговорила... Так что только благодаря кошке бабулька вас и дождалась... Выходя на крыльцо, чуть не наступил на небольшую кошчонку, шмыгнувшую в избу: рыжие, белые и черные лоскутки напомнили мне о случае на зимней дороге. Я поинтересовался, откуда взялась эта кошечка — не приبلудная ли.

— Да кто ж ее знает? — отвечала фельдшерица без интереса. — Это ж не корова, даже не поросенок: взялась — и взялась откуда-то, может, и приبلудилась...

— А сколько от вас до города?

— Двести пятьдесят километров — автобус идет четыре часа...

Вернувшись, я рассказал об этом председателю и его шоферу. Они покачали головами и не проронили ни слова.

Надежное место

СКАЗКА

Гидел сын Енота на крылечке, а Заяц мимо бежал и подарил ему морковку. Половину Енотик съел, а половину решил на черный день припрятать. Вот только куда спрятать ее не знал. Тут и попался ему на глаза Филька. Окликнул его Енотик:

— Дядя барсук, куда бы мне мою морковку понадежнее спрятать, где бы ее никто не нашел, а то пропадет.

Поглядел Филька на Енотика — простачок он, запросто можно надуть его. Сказал:

— Давай я ее в живот себе положу. Очень надежное место. Никто твою морковку в животе у меня искать не догадается.

— Бери, — сказал Енотик и отдал барсуку морковку.

Дня через три прибегает к нему, спрашивает:

— Дядя барсук, где моя морковка?

— В животе у меня, — отвечает

Филька.

— Давай я ее съем.

И заскреб Филька за ухом:

— Эх, — говорит, —

положить-то я морковку в живот к себе положил, а вот как достать мне ее оттуда, не подумал.

— Так ты подумай, дядя барсук, а я завтра прибегу, — сказал Енотик.

И, верно, прибежал. Филька еще и с постели не успел подняться, а уж он постучал в окошко к нему:

— Придумал, дядя барсук, как мою морковку из живота достать?

— Нет, — ответил Филька, — не успел. Сам понимаешь, дела всякие: то то, то это.

Ну так ты прямо сейчас садись и думай, а я здесь на лавочке посижу, подожду, пока ты думаешь.

Смотрит Филька на Енотика, ну совсем-совсем еще глупый он, его можно надувать и надувать.

Сказал:

— Ты, я смотрю, разумом-то боек, а того в толк не возьмешь, в один день такие дела не делаются. Ты беги играй, а завтра наведайся. И не волнуйся, никуда твоя морковка не денется, место надежное. Вот только положить туда легко, а чтобы достать, думать надо.

— Что ж, я могу и подождать. Мне что сегодня съесть, что завтра, — сказал Енотик и побежал домой. А на другое утро — тук-тук — стучится к Фильке ни свет ни заря.

— Придумал, дядя барсук, как морковку достать мою?

— Нет пока, — отвечает Филька.

— Так ты думай.

— Да я бы всей душой, да некогда. Вот сейчас на охоту идти надо, чего-нибудь на завтрак добыть. А мысли, сам понимаешь, дело такое — тут отвлекаться никак нельзя.

— А ты и не отвлекайся, дядя барсук, садись и думай. На охоту я вместо тебя схожу, добуду чего-нибудь, — сказал Енотик и принес Фильке три кувшинки.

— Ну, придумал, дядя барсук?

— Какой ты шустрый, — сказал Филька, с аппетитом похрустывая сочными кувшин-

ками. — Так быстро такое дело не делается. Завтра приходи.

— Завтра я к тебе не приду, дядя барсук.

— Что так? — удивился Филька. — Или тревожишься? Напрасно. Место надежное. — И с удовольствием похлопал лапой по животу.

— Да, место это у тебя надежное, — сказал Енотик. — Положить положишь, а взять не возьмешь. Пропала моя морковка. Лучше бы я ее себе в живот положил, тоже бы надежно было.

В. и Вл. Бондаренко

ИЗ ВИДЕННОГО И ПЕРЕЖИТОГО

Прощение дорожке

Ольга Михайловна Остроумова внучка священника-сидельца, дочь «неблагонадежных» родителей... Такая биография в советские годы не сулила ничего доброго. Но Ольга Остроумова вспоминает о своем детстве как о радостном и светлом времени. Несмотря на горести и заботы, в их доме всегда жила любовь. А взаимоотношения в семье стали для Ольги Михайловны примером на всю жизнь...

ДЕДУШКА: СВЯЩЕННИК В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ

...Бабушка будила нас в шесть утра и давала парное молоко. Я очень его не любила, но приходилось пить. Бабушка была строгая, а вот дедушка — мягкий. Он был священником в третьем поколении. Но, несмотря на его мягкость, при нем мы всегда вели себя тихо, не позволяли себе панибратства.

Дедушка был очень уважаем и в семье, и среди прихожан, и в городе. Помню, как мы гуляли по нашему Бугуруслану, по Нагорной улице, где жили бабушка с дедушкой, и на нас, маленьких, как мне казалось, смотрели с почтением — мы внуки отца Алексея. Сейчас я понимаю, конечно, что это уважение было к дедушке, а не к нам.

...Раньше я думала, что все священники — как мой дедушка, добрые, исключительно мудрые, бессеребренники. Потом открыла для себя: они, как и все люди, очень разные, и священник — это не значит «святой». Но тогда такой мысли не возникало. Спустя много лет я вспомнила (а до тех пор этот момент как будто стерся из памяти), что по той же улице Нагорной в Бугуруслане был еще один дом, за огромным забором, на котором висела табличка «Злая собака во дворе». И в этом доме тоже жил священник. Однако таких, как мой дедушка, все же очень много.

Это удивительно, но нас, детей, никто никогда к вере не принуждал. Нам не запрещали быть пионерами и комсомольцами. Дедушка очень спокойно к этому относился. В вере мы... просто жили. Мы дышали этим воздухом. Это было так естественно. Однажды мы, пионеры юные, прибежали к дедушке с «каверзным» вопросом для «темных»: «Дедушка, а что, гром — это Илья-пророк на колеснице, да?». В ответ он рассказал нам о библейском пророке Илии, о его чудесном вознесении на небо, потом объяснил, что такое гром с точки зрения законов физики. Он был очень образованным человеком, как многие священники тех лет, и умел просто объяснять. Никакого противоречия между двумя «версиями» мы не нашли.

Дедушка прошел лагеря. Я не застала этого периода — его освободили еще до моего рождения, даже разрешили снова служить. Отец потом узнал, что в лагере дедушка пользовался большим уважением. Он был слаб здоровьем,

и его солагерники, чтобы оградить его от расправы, даже выполняли за него норму на лесоповале.

ПАПА И МАМА: ПАСЫНКИ ВЕКА

Из-за того, что дедушка был священником, родителям пришлось нелегко. Маму с папой считали неблагонадежными. Их отовсюду могли выслать. И высылали. Например, они приезжают в Магнитогорск, устраиваются на работу. Спустя какое-то время приходят сотрудники органов и говорят, чтобы они уезжали, на сборы дают сутки. Но... Мама с папой были такие удивительные люди! Вот что папа записал об этом в книге, которую оставил нам, своим детям: «НКВД-шник был человек хороший, он дал нам на сборы не двадцать четыре часа, а сорок восемь». Папа пишет об этом без иронии. Для него этот поступок действительно очень хороший! Родители жили в какой-то иной системе измерения...

В конце жизни папа написал книгу, сам переплел ее в четырех экземплярах, для каждого из своих детей — «Исповедь пасынка века». Это книга о его жизни — начиная с того момента, как он себя помнит. Как они жили в селе Алексеевка, недалеко от Бугуруслана, как дедушка там служил, как папа был регентом хора, а мама пела. Там они и познакомились. Еще пишет, что у дедушки в доме была прекрасная библиотека. Даже выписывали приложения к журналу «Нива». Приложениями были собрания сочинений, самые разные. Еще он оставил нам фотографии: вот вся семья вместе, вот папа со скрипкой. Он серьезно занимался музыкой, хотя и жил в обычной деревне. Мы теперь по-другому представляем себе деревенскую жизнь в 25-30-х годах, перед войной. А она была богатой — не деньгами, конечно.

Целая глава этой книги посвящена тому, как папа и его брат выживали, когда дедушку посадили.

В армию их не взяли, и они работали в трудармии на Урале, грузили лес на станции.

Нас было четверо у родителей, и нам, детям, казалось, что живем мы очень хорошо! Хотя в действительности жили мы бедно... Папа работал и заочно учился в педагогическом институте. Он был мастером на все руки, не боялся никакой работы. Строгал, чинил, чертил... Никто и никогда в семье не считал, что дети в тягость.

Ольга Михайловна Остроумова — народная артистка РСФСР (1993). Сниматься в кино начала еще будучи студенткой. Дебютная роль — десятиклассница Рита в картине Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника». За роли в кино удостоена Золотой медали имени А.П.Довженко (1978), Государственной премии СССР (1979). Кавалер ордена «За заслуги перед отечеством» IV степени, ордена «За честь и доблесть», ордена «Знак Почета», общественных орденов.

Мама много занималась нами, но при этом всегда еще где-то работала. Во время войны она фотографировала, папа ее научил. После, когда мы жили в Куйбышеве, она работала в киоске «Союзпечать» на вокзале, потом гардеробщицей. У нее не было образования, но она сама научилась читать — и много читала. Она научила меня чтению по-церковнославянски, но, к сожалению, сейчас уже многое забылось...

Я думаю, очень важно то, что закладывается в нас в детстве, и своим родителям я очень благодарна. Они научили терпимости — в отношениях с близкими, в вере. Благодаря им я спокойно отношусь к людям, которые еще чего-то не познали. Ведь каждый человек должен сам прийти к важным жизненным выводам, сам прийти к Богу. Взять его за руку и привести — можно, но это ничего не даст. Нужно самому постигнуть, пережить, додумать... — только это ценно. И это случается в разном возрасте, у многих — перед смертным одром.

ВЕРОЙ ОПРАВДАЕМСЯ

Вера очень держит меня. Бывают минуты, когда только она и держит. Трудно объяснить, что это такое, логика здесь бесполезна. Вера — это не знание. И не дар от рождения — к ней ведь можно прийти. Но, мне кажется, даже у тех, кто считает себя неверующими, в какие-то моменты жизни все равно появляется надежда на чудо. Вот это и есть вера. С возрастом она умножается в тебе. Потому что начинаешь думать о том, куда уйдешь после смерти.

Много раз мне приходилось слышать: «Ой, не говорите о смерти! Не надо о грустном!». А мне кажется, что это прекрасный, замечательный разговор. Мы привыкли к мысли, что смерть — это страшно. Кому-то просто не хочется уходить из этой жизни. Другие боятся неизвестности. А я воспринимаю смерть нормально: вот есть молодость, есть зрелость, есть вторая половина жизни... Этого не изменишь, и значит, сходить с ума не нужно. Придет момент, когда я умру. Я спокойно с этим живу. Только думаю о том, чтобы умереть достойно. Потому что... столько нагрешила в жизни, что и говорить-то ничего там не надо будет, все и так видно.

Раньше о смерти не так боялись говорить и думать — просто о ней всегда помнили, понимали: согрешишь — потом предстанешь на Суде, и как за все отвечать? Ведь есть еще такое наше человеческое заблуждение — что добрыми делами мы сможем загладить нашу вину. Но ведь мы не добрыми делами оправдаемся, а только верой. Добрые дела, конечно, тоже нужны. Только не надо их афишировать.

Я не из тех, кто считает, что раньше все было лучше, а теперь иные времена. Хотя, наверное, в то время люди в большинстве своем были все-таки наивнее и чище. Помню, в Куйбышеве мы жили в доме около вокзала, и у нас часто кто-то оставался ночевать. Люди ждали поезда, им куда-то было деться, и мама приглашала в дом. И это не за плату! Дом был очень маленьким, гостям стелили на полу, но это никого не смущало. Потом, с очередным поездом, мы вдруг получили, например, огромную дыню в благодарность. Почти всегда в нашем доме двери держали открытыми. Летом — особенно, настужь. Никто не боялся. И никто не считал, что, приютив человека, «совершает хороший поступок». Просто иначе жить не умели.

Но и в наши дни столько удивительных людей!

Мне бы не хотелось кого-то идеализировать. Все

мы люди, мы несовершенны, и священники тоже несовершенны. Но... Мне кажется, важен путь, по которому в этой жизни идешь, и понимание, куда он ведет. Если стремишься к Богу — то идешь, оступаешься, падаешь, встаешь, снова падаешь, но идешь. Стараешься изменить себя. Вспоминаю, как однажды я пришла на исповедь и говорю: «Батюшка, а мне каяться не в чем». А он отвечает: «Вот это и есть самый большой грех. Как это — не в чем? Раздражалась?» — «Да». — «Злилась? Осуждала?» — «Да...» — «А ты говоришь — не в чем»...

«ВАСИЛИЙ И ВАСИЛИСА»: ПОЧТИ ПО БИБЛИИ

В людях я очень ценю умение прощать, хотя самой это дается с большим трудом. Мне кажется, это чрезвычайно важно в отношениях между нами, для отношений внутри семьи. Люблю картину Ирины Поплавской «Василий и Василиса», снятую по Валентину Распутину, в которой мне посчастливилось сыграть главную женскую роль. Это фильм с библейским сюжетом, о прощении и непростении. История двух счастливых людей: поженились по любви, жили вместе, рождались дети. А потом, как у Распутина написано, Василий задурил, то есть запил. Однажды в подпитии он замахнулся на Василису, беременную, топором — и она потеряла ребенка. И не смогла простить этого своему мужу.

Во время съемок многие женщины в деревне — а мы снимали под Дубной, на Волге, — не понимали: «Ну что уж она не простила!.. Да он же выпил!» — как будто это было оправданием... То есть ситуация воспринималась ими просто как бытовая драма. А Василиса восприняла это как убийство, убийство человека человеком. И всю жизнь не могла простить. Боролась, умом понимала, что не права, но сердцем простить не могла. И только в конце жизни пришла к мужу и сама попросила у него прощения — за то, что не могла его простить. Именно за то, что не могла простить...

Я много размышляла об этом и поняла для себя самой — не умом, а, как говорят, «пупом», тем, что связывает тебя с мамой, бабушкой, родом, землей, — что прощение всегда дороже и выше любого, даже самого праведного непростения. Непрощение разрушает и того, кого не простили, и того, кто не простил. Какая великая мудрость: «Прости!» Только ведь это очень трудно. Трудно перебороть в себе обиду, гнев... Даже на словах не всегда понятно, как это: ударят по одной щеке — подставь другую. Это надо прожить, пережить. Я поняла на примере собственной жизни, что нельзя отвечать злом на зло. Тогда твой обидчик — во всеоружии. А если ты прощаешь, отвечаешь добром, — зло скукоживается. Вот и вся мудрость...

Работа в этой картине многое мне дала. Нечасто такое бывает — чтобы роль могла чему-то научить... Но не менее важно и то, чему учишься в своей собственной жизни, на своих ошибках. Например, с годами, создав свою семью, я поняла, как важно и как непросто учиться умалению себя, покорению своего характера. Это — выстраданный опыт, в этом — моя память о бабушке, об отце, которые умели прощать. И за этот опыт тоже надо быть благодарной...

Публикуется в сокращении

Алла Митрофанова
«Фома», №8, 2008г.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

Вчера у меня был потерянный день. Это случилось как-то само собой, но вечером я почувствовал всем своим существом, что день этот для меня погиб.

Как только я проснулся, мной овладели заботы: выдвигались всевозможные жизненные затруднения, осложнения и прямые опасности, целое змеиное гнездо. Напрасно я пытался отделаться от него презрением и юмором; напрасно корил себя за робость и пессимизм; напрасно искал спокойствия в молитве. Как будто давящий туман надвигался на мою душу; узлы не распутывались, надежды гасли. Воображение рисовало надвигающиеся беды и унижения; когда жизнью овладевают черствые фанатики, духовные идиоты, то надо готовиться ко всему. Горечь и отвращение овладели мной. Сердце судорожно сжалось и ожесточилось. Надо было бороться. И так начался этот погибший день.

Нужно было собрать все силы и проламывать стены — одну за другой. Надо было найти спокойствие в самой тревоге, сосредоточиться, все взвесить, выработать план и с достоинством встретить опасность. Надо было перейти в наступление: идти от человека к человеку, будить друзей, уговаривать жестоковъйных, Заклинать врагов. Надо было доказывать бесспорное, дробить камни, плавить железо... Есть же на свете счастливые люди, которые и не подозревают, во что превращается жизнь под управлением бессердечных доктринеров, какую ложь, какую мертвость, какое опустошение и какую грязь они несут людям и что приходится переживать из-за них...

Вечером, когда я вернулся домой и все узлы оказались каким-то чудом распутанными, — я чувствовал себя смертельно усталым. Все удалось, успех превышал всякие надежды, но день был потерян.

Он был потерян потому, что сердце мое пребывало в судорожном ожесточении, а оно ожесточилось от того, что я видел вокруг себя ожесточенный мир и не заметил, как он меня заразил и отравил. Когда сердце ожесточается, то оно уже не способно к любви: оно не поет и не светит; оскорбленное и онемевшее, оно погружается в темное молчание; в нем нет ни ласки, ни улыбки; и к молитве оно уже не способно. Оно каменеет. А когда сердце окаменело, то человек не может быть оружием Божиим; и день оказывается погибшим.

Это был погибший день потому, что я думал только о себе и хлопотал только за себя. Надо же было спастись как-нибудь из этого жизненного тупика... И все-таки... О, этот страх за свою шкуру, как будто она так необходима и драгоценна. Жизнь становится вращением вокруг себя самого, как если бы ни на земле, ни в небе не было ничего лучшего, высшего... Человек слепнет и глохнет для всего остального страдающего мира; и живая

ткань божия, ради которой только и стоит жить на земле, как бы перестает существовать для него. И день проносится в душе, мертвый и пошлый; и уходит в прошедшее, как нерасцветший цветок.

Этот день пропал для меня потому, что я боролся с людьми, я старался подчинить себе их волю, использовать их, как свое оружие, и не было во мне живой любви к ним — ни к одному. Я подходил к

ним осторожно и ловко, я уговаривал и доказывал, я внушал им необходимое, но сам я оставался сухим и деловитым и только пристально и зорко рассматривал их, как каменщик рассматривает свои неуклюжие кирпичи. Мало того. Они все время были противны мне, эти жестокие, самодовольные, заносчивые выскочки; и отвращение царило в моей встревоженной душе. И отвращение это надо было скрывать; и лицемерить, и лгать, ненавидя... Куда мне девать теперь это бремя? Как мне смягчить и разбудить мое сердце? Проснется ли оно опять к любви?.. Уходи же, уходи, пропащий день, чтобы можно было забыть тебя и исцелиться.

Да, день, был пропащий, потому что все прекрасное и нежное на свете не существовало для меня. Птички не пели мне. Цветы не радовали мою душу и не благоухали мне. Я не видел ни одной детской улыбки. Я совсем не мечтал о красоте. Холодный ветер проносился надо мной, как над уличным фонарем. Я даже не помню, было ли вчера солнце на небе. И самое внутреннее пение мое, вечно поющее во мне о даях и глубинах, смолкло, и ручей его иссяк. Мир, как нежная тайна, мир, как живой гимн, мир, как чудо Божие, — не существовал для меня. Нет, это была не жизнь; я не жил в этот день...

Он погиб для меня, потому что я не нашел ни одной нити, ведущей к Царству Божьему, и взор мой ни разу не коснулся его дивной, сияющей ткани. В такие дни жизнь лишается смысла и святости, как бы ни вез-

И. Ильин

Потерянный день

ло человеку и как бы удачны ни были его земные дела. Ибо человек строит свою жизнь не делами, а деяниями; он дышит сверхчеловеческими веяниями; он живет близкими лучами, приходящими из священной дали; он живет дыханием Божиим...

Прощай же, пропащий день. Угасай в забвении. Один-единственный дар останется мне от тебя: что я увидел твою пустоту и понял, что потерял тебя в жизни...

Из книги «Поющее сердце.
Книга тихих созерцаний»

ПО СТРАНИЦАМ СВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Дети и вампиры

В России произошло событие, которое для взрослого люда осталось незамеченным, но для юношества затмило все прочие новости. Откровения милиционеров, партийное строительство, свинокарантин и даже горестные футбольные прорехи — это для тинейджеров унылый фон, душная жизнь предков. Превыше всего — сиквел «Сумерек». Кино «Новолуние» стало для подростков более важным событием, чем нововведения в ЕГЭ. Если кто-то этого не понимает, то он — полный отстой. По новой орфографии — «ацтой».

В кинотеатры до сумерек не попасть, детишки ни о чем другом не говорят и смотрят на взрослых, которые не въезжают в тему, как на неполноценных фриков. Общая картина по всему миру. В прокате «Новолуние» побило все рекорды. Мы пребываем в патриархальной уверенности, что наши дети принадлежат нам. «Сумерки» доказывают, что дети без нашего ведома стали участниками всемирной тусовки, или молодежной глобализации, которая исповедует совсем иные принципы, чем те, что в ходу во взрослом мире.

«Сумерки» сочинены американкой Стефани Майер, воспитанной мормонами. Особого образования у нее нет — истории она высасывала из пальца, чтобы развлечь детишек, а потом переписала на бумагу. Книжки Майер переведены на десятки языков, плодятся сотни сайтов и фэн-клубов, посвященных миру «Сумерек». На вампирах оттачивали перо Гете, Байрон, Дюма, Киплинг, Конан Дойл, Алексей Толстой, не говоря уже о создателе Дракулы Бреме Стокере. И Высоцкий балладу о вурдалаках сочинил. Фильмов о вампирах не меньше, чем о любви, иные неплохи — даже кровь стынет в жилах. Что нового сказала после титанов простая женщина-мормон? Головокружительная свежесть в том, что теперь вампир по душевным качествам стоит значительно выше человека и, если человек стремится к совершенству, ему следует стать кровососом.

Раньше с вампирами боролись, но теперь вампир стал новым героем. Раньше вампир олицетворял силы тьмы, теперь он представляет добро и на свету блестит, как доллар. Раньше человек избегал вампиров, теперь он стремится превратиться в вампира, и это самый важный экзамен в жизни, а все прочие науки проще забыть. Раньше вампир жил за счет людей, теперь вампир сеет добро. Долг человека перед вампиром выше его обязанностей перед обществом и, вообще смешно, перед родителями. Понятно, что речь идет о кино и книжках, они не могут запросто перекочевать в реальную жизнь. Но правда и вымысел связаны друг с другом. Новую систему ценностей можно не замечать, но ею бредит юношество, которое мы считаем нашей сменой. В какой момент идея вампира оказалась интегрирована в нашу

жизнь? Почему дамы всех возрастов ищут себе «вампирика»?

Единственной причины быть не может. Победоносный феминизм привел к расцвету гей-культуры, и освобожденные женщины повально и обреченно жалуются на дефицит «настоящих мужчин». Благородный вампир, сохранивший невинность до ста лет, становится неотразимым секс-символом, а поклонник с юношескими прыщами выглядит клоуном. Доведенная до абсурда либеральная политкорректность с маниакальным стремлением не называть вещи своими именами привела к очеловечиванию монстров — как в эпоху Великих географических открытий Свифт прививал Гулливеру любовь к лилипутам и говорящим лошадям. Тотальное лицемерие политиков, ставшее очевидным в информационную эпоху, толкает человека к тому, что лучше уж черту с рогами верить. В «Сумерках» напрочь отсутствует религиозная тема, священники не нужны даже на горизонте, будто речь не об обручении с царством Тьмы, а о девушке рэпера. Создан культ демонов, который отвергает прочие мировые культы. Что касается России, то тяга к вампирам приобретает национальный колорит, ибо высасывание соков из артерий и скважин стало главным условием жизнедеятельности страны, но вампир из «Сумерек», в отличие от вампира-олигарха, живет скромно, не режет соседям глаза и ходит в обычную, а не лондонскую школу, проявляя почтение даже к учителям. И при случае оказывается суперменом, но выражается это не в кутежах и барышах, а в Геракловых подвигах.

Влечение к вампирам у юношества еще раньше вычислили наши манипуляторы сознанием, чему доказательством сорвавший аншлаги фильм «Ночной дозор». «Ночной дозор» — смутное предвосхищение «Сумерек».

Что за жизнь мы построили, если наши дети считают вампиров более привлекательными, чем люди?

Сергей Лесков
«Известия» 15 декабря 2009г

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в декабре (по новому и старому стилю)

Преподобного Илариона Грузинского, чудотворец (2 декабря/19 ноября)

Родился преподобный в 816 г. в Кахетии. Очень рано проявил склонность к подвижничеству: в девять лет знал наизусть Евангелие, а в двенадцать был пострижен в монашество. В шестнадцать лет удалился в Давидо-Гареджийскую обитель, где подвизался десять лет. Непрестанными молитвами, слезами, безмолвием, бдением и постничеством он стал известен всей Грузии. Но слава человеческая была чужда преподобному. Приняв сан иерея, он уклонился от предложенной ему в Грузии епископской кафедры и удалился в Святую Землю на поклонение Гробу Господню. Семнадцать лет провел в Иорданской пустыне в великих подвигах, живя в пещере св. пророка Илии, которая некогда служила жилищем и св. Иоанну Крестителю.

По возвращении на родину устроил из отчего дома монастырь, постриг в монашество мать и сестру. Затем, посетив Константинополь, удалился на гору Олимп, в Малой Азии, где около 864 г. основал грузинскую обитель. За свою святую жизнь получил от Бога дар чудотворения и исцеления болящих. Известно чудо, когда плененный скифами диакон освободился от оков, призвав имя преподобного. В конце жизни преподобный Иларион удалился в пещеру близ города Солуня, где мирно скончался 19 ноября 875 г.

Введение во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря/21 ноября)

Преподобной Матридии Александрийской, девы (7 декабря/24 ноября)

Родом преподобная из Александрии. Заботясь о своей душе, она пребывала ради Христа в безмолвии, в посте, в постоянном бодрствовании,

в молитвах, раздавая при этом много милостыни. Но диавол, всегда препятствующий людям в подвигах богоугодной жизни, не мог вынести таковых добродетелей святой девы и вложил одному юноше нечистое желание к ней.

Пророк Аввакум
(из 12-ти малых пророков)

Прельстившись красотой св. Матридии, он соблазнялся в особенности ее глазами. Тогда святая выколола их у себя ткацким челноком и таким образом избавила себя от греха, а юноша раскаялся и, отправившись в скит, сделался строгим иноком, подражая в молитвенных подвигах и воздержании святым отцам.

Пророка Аввакума (из 12-ти малых пророков) (15/2 декабря)

Пророк Аввакум предрек разрушение Иерусалимского храма,

Вавилонское пленение израильтян и возвращение из плена. Во время войны с вавилонянами пророк удалился в Аравию, где с ним произошло следующее чудо. Когда он нес обед жнецам, ему встретился Ангел Господень и мгновенно перенес его силою своего духа в Вавилон, где в это время томился в темнице пророк Даниил. Так пищей, предназначенной для жнецов, утолил свой голод томимый пророк.

После окончания войны с вавилонянами пророк Аввакум вернулся в свое отечество, где и умер в глубокой старости.

Блаженной царицы Феодании Византийской (29/16 декабря)

Святая Феодания, императрица, супруга императора Льва Мудрого. По наветам одного волхва она вместе с мужем (тогда еще наследником престола), претерпела трехлетнее темничное заточение. Получив свободу, проводила жизнь в молитве, посте и благотворениях, изнуряя плоть свою тайными подвигами. На своих слуг и рабынь она смотрела как на братьев и сестер во Христе; все ее попечение было направлено к тому, чтобы помогать обидимым, заступаться за вдов, заботиться о сиротах, утешать скорбящих, отирать слезы плачущих — она была матерью для всех неимущих крова и помощи.

Живя в мире, святая отвергла все мирское, и ее супруг, видя ее святость, почитал ее не как супругу, но как свою ходатаицу перед Богом, и даже начал строить храм во имя ее. Узнав о том, святая запретила ему. Храм был переименован в честь Всех святых и по совету с Церковью в память святой царицы Лев Мудрый установил в первую неделю по Пятидесятнице праздник Всех святых.

Скончалась святая царица Феодания в 893 или 894 г.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мutowкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 16.12.09. Выход по графику 25.11.09

Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.